

ОТЗЫВ

официального оппонента Милевского Олега Анатольевича
на диссертацию Полежаевой Татьяны Владимировны

«Религиозные основания консервативной концепции А.С. Шишкова»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

В настоящее время изучение отечественного консерватизма выступает в качестве одного из приоритетных и динамично развивающихся направлений в российской исторической науке. Немалое внимание сегодня уделяется и изучению интеллектуального наследия ранних консерваторов (первой трети XIX в.), среди которых важное место занимал адмирал, литератор и государственный деятель А.С. Шишков. В его творчестве идея отстаивания приоритета национальных ценностей получила оригинальную интерпретацию, основанную на представлениях об особой роли церковнославянского языка и православия в развитии национальной культуры.

Именно опора на изучение и научное осмысление религиозной составляющей в консервативной концепции А.С. Шишкова и делает это диссертационное сочинение действительно оригинальным научным исследованием. Тем более, что в контексте изучения и детального анализа влияния религиозного фактора на формирование консервативной концепции А.С. Шишкова соискательница переходит и к более широким обобщениям, а именно к определению значения роли православного культурного комплекса в жизни европеизированного русского дворянина конца XVIII – первой трети XIX вв.

Следует отдать должное автору: она достаточно глубоко знакома с существующей отечественной и зарубежной научной литературой по изучаемой проблем. В представленной работе проведен ее серьезный историографический анализ. Это позволяет судить о высокой

исследовательской культуре соискательницы, а главное об уважительном отношении к достижениям предшественников, что в эпоху все более набирающего обороты в гуманитарном знании «историографического нигилизма» особенно радует. В свою очередь подобный подход позволил диссертантке добиться необходимой для работы научной фундированности и четко определить объект и предмет исследования, а также обозначить его цели и задачи.

Диссертация построена на обширной источниковой базе. Причем Т.В. Полежаева использовала достаточно широкий комплекс источников, как опубликованных, так и неопубликованных, что в конечном итоге дало возможность насытить исследовательский процесс необходимыми фактами.

Хорошее знание историографии и источников позволило Т.В. Полежаевой удачно их применять в сочетании с опорой на современные методологические подходы. Несомненно, очень выигрышным в плане реконструкции религиозной составляющей консервативной концепции А.С. Шишкова является обращение соискательницы к методологии «новой имперской истории». Правда при этом хотелось бы отметить, что работа в методологическом плане выиграла бы еще больше, если бы соискательница в контексте использования заявленной методологии обратилась бы еще и к коллективной монографии вышедшей в 2004 г. Воронеже под редакцией М.Д. Крапачева, М.Д. Долбилова и А.Ю. Минакова «Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления» и фундаментальной двухтомной работе американского исследователя Ричарда С. Уортмана «Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии» (Москва, 2004).

Однако в целом, сочетание заявленного методологического подхода с традиционными общенаучными и специально-историческими методами исследования предоставило автору решить все обозначенные в диссертации задачи.

Новизна сделанных в работе выводов не вызывает каких-либо принципиальных возражений.

Структура диссертации, состоящей из трех, глав, введения, заключения, списка использованных источников и литературы и одного приложения вполне логична. Четко сформулированы цели и задачи, предмет и объект исследования, определены его хронологические рамки.

Работа написана добротным литературным языком.

Очень хорошо в плане дальнейшего развития сюжета исследования, что еще во введении Т.В. Полежаевой дается определение того, что она понимает под консервативной утопией, а именно так в дальнейшей работе будет интерпретироваться система взглядов А.С. Шишкова. Первая глава «Факторы архаизации мировоззрения дворянина последней трети XVIII – первой трети XIX вв.» посвящена анализу обращения А.С. Шишкова к идеям консерватизма. Причем отвечая на вопрос, какие ключевые моменты способствовали архаизации мировоззрения А.С. Шишкова, соискательница вполне логично увязывает эту переориентацию не только с внешнеполитическими событиями, свидетелем и участником которых он являлся (Великая Французская Буржуазная революция, восхождение Наполеона к вершинам власти, наполеоновские войны), и их осмыслением, но и наличием серьезного внутриличностного конфликта сформированного у А.С. Шишкова дворянской установкой служить и приносить пользу государству и фактическим отстранением от двора. Т.е. то, что диссертантка называет «внутриличностным конфликтом категории «порядка» и «полезности».

Вполне можно согласиться с тезисом Т.В. Полежаевой о том, что на этот внутренний конфликт, порожденный для части русского дворянства своеобразным сломом эпох и переходом от времен Екатерины Великой к правлению Павла, а затем Александра I., наложилось всемирно-исторические события, связанные с революцией во Франции, что и стало отправной точкой к дальнейшей архаизации взглядов А.С. Шишкова. Показательна в этом отношении его «Ода на покорение Польши» (1795 г.).

Надо отдать должное соискательнице, что она при анализе этого произведения совершенно справедливо усмотрела в нем своеобразную «перекодировку эсхатологических представлений под совершенно конкретную политическую ситуацию» – в этом поэтическом произведении А.С. Шишков противопоставил мятежную Францию, олицетворяющую царство антихриста – России, главное достоинство которой заключалось, как раз в любви к царю и к Богу. В контексте знакомства с мировоззрением А.С. Шишкова интересны сравнения автором работы педагогических концепций Ж.Ж. Руссо и А.С. Шишкова.

Вполне обоснованным в работе выглядит и обращение к масонскому прошлому адмирала, трактуемое как один из факторов архаизации дворянского мировоззрения. Здесь Т.В. Полежаева за основу берет увлечение масонов мистическими обрядами, текстами и атрибутикой. Хотя следует признать, что тема русского масонства явно нуждается в дальнейшем исследовании, не говоря уже о влиянии масонства на русский консерватизм. В этом вопросе нельзя не согласиться с мнением авторитетного исследователя раннего консерватизма А.Ю. Минакова писавшего, что «вопрос об идейном параллелизме «правого» масонства с классическим русским консерватизмом нуждается в серьезном изучении».

Вполне доказательно звучит тезис аспирантки о том, что «эсхатологическое восприятие ситуации рубежа XVIII–XIX вв., сочетавшее несбывшиеся личностные и корпоративные устремления с непредсказуемостью исторического развития в целом заставляли дворянина искать устойчивую опору в пошатнувшемся мире» и во многом это шло через традиционные структуры, составлявшие ядро русской культуры, и язык играл в этом случае особую роль. И именно язык стал основой консервативной утопии А.С. Шишкова.

Поэтому-то вполне логично, что 2 глава и носит название «Историко-лингвистические представления раннего консерватизма: традиционная религиозность в составе консервативной утопии А.С. Шишкова».

Во-многом, именно в дискуссии «архаистов» и «новаторов» о путях развития русского литературного языка, в которой А.С. Шишков, как один из лидеров «архаистов» играл ведущую роль и формировалась его консервативная утопия. В этом контексте очень интересным представляется обращение Т.В. Полежаевой к параллели между лингвистическими взглядами А.С. Шишкова и старообрядцами. Она отмечает, что «отношение к языку как элементу культуры, связывающему сакральное с профанным, сближало А.С. Шишкова и старообрядческую традицию» (С.94). И все же говоря о языковой составляющей консервативной утопии А.С. Шишкова и отстаиванию им всеми доступными способами национальной языковой самостоятельности хотелось бы, чтобы в представленной работе больше места было уделено борьбе адмирала с «галломанией» распространенной в России в начале XIX в.

В плане рассмотрения модели истории в консервативной утопии А.С. Шишкова интересны сравнения соискательницей одного из важнейших категорий концепции «официальной народности» С.С. Уварова – народности с используемым А.С. Шишковым понятием «народный дух», что в научном плане несколько расширяет концепцию современного исследователя А.Л. Зорина (с.99, 107).

Третья глава диссертационного исследования «Модели самопрезентации А.С. Шишкова как реализация консервативной утопии» содержит анализ сценариев поведения адмирала, основывавшихся на традиционных представлениях о роли литератора.

На материалах литературного наследия А.С. Шишкова диссертантка вполне успешно проследила источники и логику его политических и литературных стратегий. Вполне можно согласиться с мнением автора работы о том, что выработанные адмиралом модели самопрезентации, ставшие частью его консервативной утопии, основывались на двух образах «старца» и «летописца».

Рассматривая поведенческую модель А.С. Шишкова – «старец», Т.В. Полежаева обращается к очень интересным ментальным сопоставлениям духовных исканий в дворянской аристократической среде и староверии. Переход к столь неординарным обобщениям следует признать несомненным научным достижением соискательницы. Стоит также отметить, что развивая эту идею Т.В. Полежаева обращается к последующему этапу развития отечественного консерватизма, связанному с созданием триады С.С. Уварова, в которой появилась в качестве своеобразной иллюстрации к категории «народность», конкурирующая с моделью «старца» мифологема «дедушки», олицетворением которой стал И.А. Крылов. Т.В. Полежаева очень точно и остроумно подметила отличие этих двух поведенческих моделей. Модель «дедушки» апеллировала в отличие от предшествующей модели не к профессиональному опыту, а к этической светской модели (с. 141).

В целом можно согласиться с мнением Т.В. Полежаевой, что в совокупности образ «старца» и «летописца» составляли социально единую часть консервативной утопии А.С. Шишкова (с. 151). А его поведенческие стратегии демонстрировали яркий пример адаптации традиционных социокультурных ценностей к новым условиям и попытку преодолеть ситуацию раскола мировоззрения вестернизированной дворянской верхушки и многомиллионной массы простого народа, которую уже к началу XIX в. наиболее образованная и думающая часть российской политической элиты воспринимала, как серьезную общественно-политическую и социокультурную проблему. Вспомним слов А.С. Пушкина, что в «России правительство есть единственный европеец».

В заключении диссертационного сочинения подводятся общие итоги и делаются выводы.

Следует отметить, что работу Т.В. Полежаевой отличает своеобразный авторский взгляд, умение четко формулировать и отстаивать собственную позицию, аргументированная полемика по общим и частным вопросам с историками, ранее писавшими на тему русского консерватизма первой трети

XIX в. и непосредственно по литературной и общественно-политической деятельности адмирала А.С. Шишкова.

Нельзя не указать, что проблема, избранная для изучения, исследуется весьма полно, что в конечном итоге позволило автору сделать обоснованные, достоверные, самостоятельные обобщения и выводы и выработать оригинальную концепцию.

В целом, задачи, сформулированные автором, успешно решены. Т.В. Полежаева подготовила интересное и самостоятельное исследование. Диссертантом предпринята попытка решения серьезной научной проблемы, имеющей важное теоретическое и практическое значение.

Наряду с бесспорными и новаторскими положениями диссертации, в ней имеются и некоторые недостатки:

1. Хотелось бы более четкого структурирования положений, выносимых на защиту, для чего следовало бы использовать формулировки, отражающие научный вклад автора («в диссертационном исследовании было установлено...» или «исследование показало...» и т.д.).

2. В параграфе 1.2. «Великая Французская революция и переоценка идей Просвещения» можно было бы больше места уделить самому историческому контексту Великой Французской Буржуазной революции. Сконцентрировать внимание на тех ее трагических моментах, которые были особенно ненавистны А.С. Шишкову. Ведь во многом переоценка А.С. Шишковым идейного наследия «эпохи Просвещения» была связана именно с кровавым насилием революции.

3. Неубедительной выглядит ссылка соискательницы (с.43) на цитату из работы французской исследовательницы М.-П. Рэй о том, что Александр I якобы «не питал ни уважения, ни симпатии к русскому дворянству» и дальнейшее развитие Т.В. Полежаевой этой идеи в том ключе, что воспитанный в духе либерализма, император делал ставку не на учреждения, а на частную инициативу. Собственно говоря, все внутривластные мероприятия царя скорее свидетельствуют об обратном.

комитет, кстати, также состоявший из представителей молодой дворянской аристократии, активно действовал только в период 1801– по май 1802 гг., т.е. фактически около года, а в 1803 г. собирался лишь несколько раз и то по частным вопросам, а реформы продолжались и в дальнейшем. Примеров тому множество, а для наглядности сошлемся хотя бы на утвержденные крестьянские реформы в Остзейском крае 1804–1805 гг. и деятельность М.Н. Сперанского

4. В параграфе 2.3. «Модель истории в консервативной утопии А.С. Шишкова» имело бы смысл при анализе литературных произведений А.С. Шишкова четче показать, как их появление было связано с внешнеполитическими событиями, в которых Россия принимала самое активное участие, в частности, коалиционные войны, Тильзитский мир и Отечественная война 1812 г.

5. Не оспаривая в целом положений параграфа 2.4. «Язык, шрифт и политика: инструменты консервативной идеологии» все же хотелось бы указать на то обстоятельство, что в само название параграфа заложены трудно сопоставимые, а следовательно, объективно сложно сравниваемые исторические категории, как например такая глобальная категория, как «политика» и достаточно узкоспециальная категория «шрифт».

Однако в целом, высказанные замечания не могут изменить общей положительной оценки оппонируемой работы. Представленное к защите исследование отличается высоким научным уровнем. Публикации отражают основные идеи сочинения. Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации. Считаю, что диссертация «Религиозные основания консервативной концепции А.С. Шишкова» представляет собой квалификационное, завершённое и оригинальное научное исследование, которое соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям. Полагаю, что автор диссертации – Полежаева Татьяна

Владимировна – заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент

профессор кафедры социально-гуманитарного образования

бюджетного учреждения высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный педагогический университет», доктор исторических наук (07.00.02 – Отечественная история),

доцент

Милевский Олег Анатольевич

Дата: 20.03.2017

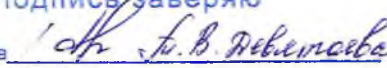
Сведения об организации:

Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный педагогический университет»

628400, Тюменская область, ХМАО-Югра, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2;

Телефон: (3462) 31-94-34; адрес электронной почты: office@surgpu.ru;

веб-сайт: www.surgpu.ru

Российская Федерация, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ - Югра, г.Сургут БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА - ЮГРЫ «СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»	
Подпись заверяю	
Специалист отдела кадров	
« 20 »	марта 20 17 г.